

ДИСКУССИИ

О МЕЛКОМ ТОВАРНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

А. М. АНФИМОВ

Статья П. Г. Рындзюнского о мелкотоварном укладе в России XIX в. вызвала у историков большой интерес и одновременно серьезные критические замечания в статьях И. Д. Ковальченко и Н. Л. Рубинштейна¹. При этом поднято так много вопросов, имеющих важное методологическое значение, а самое главное, обнаружилось столь различное понимание этих вопросов упомянутыми авторами, что этот многообещающий научный спор, несомненно, требует продолжения.

Прежде всего несколько слов о самом предмете обсуждения — мелкотоварном укладе. Н. Л. Рубинштейн, конечно, прав, говоря, что положение В. И. Ленина о многоукладности экономики молодой Советской страны нельзя механически переносить на экономику дореволюционной России. Но дело тут не в том, что этой многоукладности в России не существовало, как это вытекает из рассуждений Н. Л. Рубинштейна. Если Ленин говорил об элементах, кусочках, остатках старых общественно-экономических укладов, ясно, что они возникли не вновь и не на пустом месте. Дело тут, по нашему мнению, заключается в том, что в условиях развивающегося капитализма при сохранении громадных остатков крепостничества в России самостоятельное значение таких укладов, как натурально-патриархальный и мелкотоварный, очень относительно. Натуральное хозяйство уже было в значительной мере подмыто в процессе развития капитализма, все более тесно связывалось с рынком, имело дело с «промыслами» разного рода, причем в разных районах и в разных группах хозяйств масштабы и характер этого процесса были самыми различными. Ленин настойчиво требовал, чтобы в ходе исследования аграрных отношений выделить «наиболее сохранившийся тип натурального хозяйства». Однако надо признать, что выделять его в наших исследованиях мы еще не научились. К тому же именно хозяйства натурального и полунатурального типа, а также многие из простых товарных хозяйств, были главной базой полукрепостнической эксплуатации со стороны помещичьих латифундий и, следовательно, в какой-то мере составляли часть отживавшего свой век феодально-крепостнического уклада.

¹ П. Г. Рындзюнский. О мелкотоварном укладе в России XIX века. «История СССР», 1961, № 1; И. Д. Ковальченко. Об изучении мелкотоварного уклада в России XIX века. «История СССР», 1962, № 1; Н. Л. Рубинштейн. О разложении крестьянства и так называемом первоначальном накоплении в России. «Вопросы истории», 1961, № 8; Его же. О мелкотоварном производстве и развитии капитализма в России XIX века. «История СССР», 1962, № 4.

Что касается мелкотоварного уклада, то и его выделение весьма затруднительно. Его носители — мелкие товаропроизводители часто не могут рассматриваться как самостоятельные товаропроизводители, свободно конкурирующие на рынке. В массе своей они были вынуждены продавать продукты своего хозяйства скупщику по любой назначенной им цене, так что эти продукты принимали по настоящему товарную форму уже за пределами деревни.

Но если бы мы все же попытались выделить патриархальный и мелкотоварный уклады, отвлекаясь от этих условий, мы встретили бы трудности, коренящиеся уже в области исследовательских средств и возможностей. Если бы мы даже определили какие-то критерии для отнесения хозяйств к тому или иному из этих укладов, ни земская, ни тем более правительственная статистика не дали бы нам массовых данных для такого деления.

Примером трудности такого рода служит попытка П. Г. Рундзюнского, который определяет мелкотоварные хозяйства, исходя в основном из размеров землевладения крестьянского двора (8—15 дес. на двор и 1 лошадь). Но практически он смог (в этом, правда, и состояла взятая им на себя задача) лишь выделить долю дворов высшей (буржуазной) верхушки в единоличных покупках земли, отделив в другую группу всех покупателей — мелких крестьян. Эта интересная попытка показала, что до 80-х годов XIX в. преобладающее значение в приобретении земли играли низшие группы. По этим данным косвенно можно судить о расширении сферы мелкотоварного производства после реформы 1861 г. Этот процесс не прекратился и после 80-х годов, но по темпам роста частного землевладения преобладание в покупках перешло к буржуазной верхушке. При этом собственно мелкотоварный уклад П. Г. Рундзюнский выделить не мог. У читателя невольно складывается впечатление, что к мелкотоварному укладу он относит все мелкое некапиталистическое производство. К тому же совершенно уместны упреки Н. Л. Рубинштейна и И. Д. Ковальченко в том, что автор оперирует лишь числом дворов, а не площадью земли, и деление ведет лишь по покупке земли, без учета имевшейся до покупки (т. е. случаев прикупки к наделу).

И. Д. Ковальченко резонно поставил вопрос о том, что можно ли относить к мелкотоварному укладу все мелкое некапиталистическое производство. На этот вопрос следует ответить отрицательно. Сам же И. Д. Ковальченко в своих исчислениях, о которых пойдет речь далее, хотя и условно, говорит о мелкотоварном укладе именно в таком широком понимании. И у него, как и в практических расчетах П. Г. Рундзюнского, в сфере мелкотоварного уклада оказываются такие сильно отличающиеся друг от друга экономические типы хозяйств, как мельчайшее парцеллярное хозяйство сельских пролетариев, громадная область патриархального хозяйства крестьян, которого, по словам В. И. Ленина, «у нас сколько угодно»², а также простые товарные хозяйства средних и зажиточных крестьян, ведущих торговое земледелие, хотя и без наемного труда.

Особого внимания заслуживает вызвавшее протесты оппонентов утверждение П. Г. Рундзюнского о том, что «становление капиталистических отношений может иметь место в среде лишь в основном свободных мелких товаропроизводителей»³. Здесь мы сталкиваемся с различиями в подходе наших историков к вопросу о классовом расслоении крестьянства в условиях феодализма, различиями, вызвавшими много дискуссий. Беда одних историков, по нашему мнению, состоит в том, что они усматривают капиталистическое расслоение деревни с того

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 32, стр. 273.

³ П. Г. Рундзюнский. Указ. статья, стр. 63.

самого времени, когда сколько-нибудь заметное развитие получают товарно-денежные отношения, других — в том, что они пока не могут противопоставить доводам первых достаточно веских подтверждений своей правоты. Так случилось и с той частью статьи П. Г. Рындзюнского, где рассматривается вопрос о расслоении. Следует более решительно высказаться за то, чтобы различать расслоение, характерное для феодальной формации, и капиталистическое расслоение, причем в каждом из них выделять характерные для разных периодов типы и фазы расслоения.

Первый, наиболее ранний этап расслоения, характерный для феодальной формации, знаменовал собой выделение из деревни за счет эксплуатируемого крестьянства торгово-ростовщической буржуазии и феодализирующихся верхов. Другой стороной этого процесса, по удачному выражению С. М. Дубровского, была «бобылизация» некоторой части крестьянства, образование предпролетариата. И. Д. Ковальченко предлагает определять этот этап «как простое имущественное и хозяйственное неравенство или феодальное расслоение»⁴, с чем можно согласиться.

Далее И. Д. Ковальченко выделяет так называемый этап «мелкотоварного» или «экономического» расслоения, начало которого он связывает с временем складывания местных рынков в единый рынок, когда на крестьянское хозяйство наряду с размером феодальной ренты стали оказывать свое воздействие законы товарного производства. Это, не лишнее интереса, предложение требует специального обсуждения. В данном случае отметим лишь один сомнительный момент в аргументации И. Д. Ковальченко. Для первого этапа определяющим моментом развития крестьянского хозяйства он справедливо считает размер феодальной ренты. Из дальнейших рассуждений автора следует, что роль этого фактора относительно сужается соответственно возрастанию роли другого фактора — товарно-денежных отношений. Но известно, что никогда размеры феодальной ренты не достигали столь больших размеров, как в период разложения феодальной системы, поэтому даже об относительном сужении роли этого фактора едва ли можно говорить. Это соображение, а также то, что сам И. Д. Ковальченко считает указанный этап расслоения переходным, промежуточным, свидетельствует о том, что в данном случае мы, по-видимому, имеем дело не с отдельным этапом, а со второй, последней фазой одного и того же этапа — феодального расслоения, с переходной ступенью к капиталистическому расслоению.

Что касается капиталистического расслоения, то в нем следует, на наш взгляд, различать, во-первых, два типа расслоения. Первый, когда наряду с названными выше элементами уже выделяются элементы, организующие в городе или здесь же, в деревне, капиталистические промышленные предприятия, для которых и город и деревня поставляют контингент наемной рабочей силы. Формируются первые кадры пролетариата.

Второй тип капиталистического расслоения земледельческой деревни знаменует собой развитие собственно аграрного капитализма, когда деревенские богатеи признают выгодным организацию крупного капиталистического земледелия, находя на месте и образовавшийся слой сельскохозяйственных рабочих. Понятно, что это может происходить в условиях высокоразвитых товарно-денежных отношений, когда в достаточной мере проявляются законы конкуренции и хотя бы приблизительно уравнивается прибыль на промышленный, ссудный и земледельческий капитал. В этом случае образуется собственно деревенская

⁴ И. Д. Ковальченко. Некоторые вопросы генезиса капитализма в крестьянском хозяйстве России. «История СССР», 1962, № 6, стр. 72.

буржуазия и сельский пролетариат. Именно такой тип расслоения, очевидно, и имел в виду П. Г. Рынцзюнский, когда говорил о том, что «становление капиталистических отношений может иметь место в сфере лишь в основном свободных мелких товаропроизводителей».

Рассматривая этот тип расслоения, мы явно видим здесь две фазы — начальную, когда расслоение имеет еще слабо выраженный характер, и конечную, названную В. И. Лениным «разложением» крестьянства. Начало этой фазе положила реформа 1861 г.

Для сторонников «раннего» расслоения вся армия торговцев, ростовщиков, мельников и т. п., либо вышедших из крестьян, либо присосавшихся к деревне для эксплуатации ее путем неэквивалентного обмена или обмана — все это деревенская буржуазия. Чтобы показать такое расслоение, не только допустимо, но совершенно необходимо рассматривать деревню в целом, с ее мельницами и промыслами, лавками и кабаками, отвлекаясь от того, какой способ производства господствует в собственно земледелии. Как ни странно, но именно к такой позиции склонялся и Н. Л. Рубинштейн (которого никак нельзя причислить к сторонникам «раннего» расслоения крестьянства), требуя «комплексного исследования всего социально-экономического процесса», выступая против «изолированного изучения мелкого производства». Мы тоже за комплексное изучение, но решительно против смешения в некое «комплекс» расслоения деревни как в результате торговли, ростовщичества, так и в процессе развития аграрного капитализма.

Конечно, и в условиях феодализма, даже под воздействием растущей денежной ренты идет рост доли продукта, который обязательный крестьянин должен продать на рынке для уплаты повинности, не говоря уже о других нуждах. И в этих условиях не только возможна, но и неизбежна известная конкуренция, приводящая к усилению одних и разорению других. При этом оказываются в выигрыше те крестьянские хозяйства, у которых в развивавшийся товарооборот вовлекались излишки или те «двадцатилетние» запасы, которые упоминаются П. Г. Рынцзюнским. Таким образом, расслоение мелких производителей может иметь место и в условиях господства феодальных отношений. Дело лишь в масштабах этого явления.

Не можем мы согласиться с П. Г. Рынцзюнским⁵ в том, что на всем протяжении первой половины XIX в. имущественное неравенство не могло перерасти в социальное расслоение. Весь вопрос в той мере, в какой тот или иной тип расслоения преобладал. Едва ли может быть сомнение в том, что и в это время, вплоть до реформы 1861 г., если не далее, преобладало выделение представителей торгово-ростовщической и промышленной буржуазии. Обратимся к данным И. Д. Ковальченко о том, как употребляли накопленные деньги описанные им зажиточные крестьяне некоторых имений Рязанской и Тамбовской губерний⁶. В барщинных имениях Гагарина Устин Савельев, Андрей Никифоров и Касьян Григорьев купили рекрутские квитанции, отдав таким образом свои сбережения на оплату одной из феодальных повинностей. Последний соорудил также ветряную мельницу и маслобойню. Семья Стражниковых (в 1823 г. — 29 человек) в 1826 г. приобрела 15 дес. земли, но, увеличившись до 38 человек, разделилась на 6 семей; сведений о накоплениях больше не встречается. В оброчных имениях Юсуповых зажиточные крестьяне в 1837—1850 гг. внесли за рекрутские квитанции 25 690 руб. ассигнациями. Петр Григорьев (тоже из числа купивших квитанции) имел ветряную мельницу, Сергей Федоров — конную маслобойню, Родион Андреев — ветряную мельницу, Сергей Савельев — дегтярное заведение, Абрам Данилов — ветряную мельни-

⁵ Н. Л. Рубинштейн. О мелкотоварном производстве..., стр. 86.

⁶ И. Д. Ковальченко. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века, М., 1959, стр. 196 и сл.

цу, Ларион Иванов — ветряную мельницу, Артамон Григорьев — хрустальную мастерскую (возможно, с 4 наемными рабочими). Кондрат Иванов содержал на правах аренды стеклянную фабрику и вел торговлю. Сидор Андреев был подрядчиком, нанимал плотников, платя за них оброк. Видимо, подрядчиком стал Григорий Ермолаев. Василий Панфилов с сыном сделались владельцами хрустального завода, но разорились вследствие крепостнической эксплуатации их самих со стороны князя. У остальных зажиточных крестьян отмечаются лишь более или менее значительные «запасы» хлеба. Конкретных сведений о найме рабочей силы зажиточными крестьянами для земледельческого труда нет ни в одном случае.

Таким образом, накопленный зажиточными крестьянами капитал, по крайней мере в изученных имениях, практически изымался из земледелия или в виде разновидностей феодальной ренты (в данном случае — выкуп рекрутской повинности, замена ее денежной), или уходил в промышленность и торговлю. Образования слоя капиталистических предпринимателей в земледелии, так же как и сельскохозяйственного пролетариата мы здесь совершенно не обнаруживаем. Для данного района в общем справедливо утверждение П. Г. Рындзюнского, что среди собственно земледельческого населения расслоения не оказывается, оно остается на стадии имущественного неравенства, с господством крепостничества, а в «миру» — кулака-мироеда и лавочника. Налицо расслоение почти исключительно первого типа из указанных двух типов капиталистического расслоения. Но, повторяем, этот вывод имеет силу лишь для рассмотренного случая. Другие районы дадут нам и иную картину.

Подобный ход дела не только ставил пределы развитию собственно земледельческого капитализма, но и ограничивал, наряду с крепостничеством, рост мелкого товарного производства. Отсюда понятно, почему П. Г. Рындзюнский писал, что «значение ранних форм капитализма приблизительно совпадало с пережитками феодализма»⁷, против чего так решительно восставал Н. Л. Рубинштейн⁸. То, в чем упрекал Н. Л. Рубинштейн П. Г. Рындзюнского, мы, наоборот, готовы считать его заслугой.

В то же время нельзя не возражать против фактического отождествления Н. Л. Рубинштейном «средневекового капитализма» с новейшим. Напомним, что представителей «худших, низших» форм капитала Ленин не отождествлял с сельской буржуазией. Так, говоря о ней, как о «господине деревни» 90-х годов, он тут же оговаривался: «В действительности настоящими господами современной деревни являются зачастую не представители крестьянской буржуазии, а сельские ростовщики и соседние землевладельцы»⁹.

С означенным выше отождествлением форм капитализма связано важное представление Н. Л. Рубинштейна о безостановочном процессе расслоения крестьян как до реформы 1861 г., так и после нее. О расслоении такого рода можно говорить, если на этот процесс смотреть с так сказать недифференцированной точки зрения Н. Л. Рубинштейна. Действительно, нетрудно доказать, что из крестьянской общины и после реформы постоянно выделялись кулаки-мироеды и их антиподы — «голяки». Элементы намеченных нами контуров феодального и первого типа капиталистического расслоения, конечно, не исчезли. Поскольку сохранились сильнейшие пережитки крепостничества, постольку постоянно воспроизводились сопутствовавшие крепостничеству отношения «средневекового капитализма». Кулак, урвав у барина и у соседа-му-

⁷ П. Г. Рындзюнский. Указ. статья, стр. 52.

⁸ См. Н. Л. Рубинштейн. О мелкотоварном производстве..., стр. 68.

⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 153.

жика, а в конечном счете у мужика, начинал торговлю землей, скотом и чем попало или заводил промышленное предприятие.

Но стоит только посмотреть на процесс расслоения с точки зрения развития торгового и капиталистического земледелия, дело будет выглядеть более сложным. Как известно, крестьянство после реформы по настоящему попало в обстановку товарного хозяйства. Споры нет, в этих условиях выделение крайних групп — капиталистов-предпринимателей в земледелии и сельских пролетариев, должно было идти несравненно быстрее, чем при крепостном праве. Чтобы показать это, в распоряжении историков пока еще мало сравнимых данных, но они постепенно накапливаются.

Приведем с любезного разрешения Г. Т. Рябкова выборку из таблицы, составленной им по подворным описям 34 сел и деревень Духовщинского и Доргобужского уездов Смоленской губернии¹⁰.

	1827 г.	1857 г.	1885—1887 гг.
Дворов всего	251	260	575
Населения	2414	2612	3521
Лошадей	1094	1021	1091
Дворов безлошадных	—	1	125
с 1 лошастью	—	1	107
с 2 лошадьми	14	19	177
с 3 и более	237	239	167

Поляризация деревни, почти незаметная между 1827 и 1857 гг., очень ярко выразилась к середине 80-х годов. Почти неизвестные до реформы категории безлошадных и однолошадных хозяйств составили теперь около 45% всех дворов. Хозяйств с 3 и более лошадьми вместо 90% стало около 30%. Это, конечно, не значит, что эти последние дворы стали менее товарными, чем те 90% дореформенных. Освобождение от конной барщины и улучшение техники позволяли обходиться с меньшим числом лошадей и давать больше товарного хлеба. Но то же самое в известной мере можно сказать и о других хозяйствах. А по соотношению количества лошадей видно, что в производстве возросла роль хозяйств с 2 и с 1 лошастью. Это косвенно наводит на мысль, что после реформы дальнейшее развитие, по крайней мере в рассматриваемой местности, получило бедняцко-средняцкое мелкое производство.

К такому же выводу приводят и некоторые другие предварительные соображения. Как известно, до реформы большую долю на рынке составлял помещичий хлеб. В течение первых двух десятилетий после реформы сельское хозяйство оказалось способным удовлетворить возросший в полтора-два раза спрос внутреннего рынка; в 3,5 раза увеличился экспорт главнейших хлебов. Каким образом могло почти наново возникшее капиталистическое крестьянское земледелие не только восполнить убыль помещичьего хлеба, но и удовлетворить резко возросший спрос? Ответ может быть только один — путем одновременного расширения товарности хозяйства мелких и средних крестьян.

Какими резервами располагало освобождавшееся от обязанных отношений крестьянское хозяйство для расширения производства и увеличения массы и стоимости товарной продукции? Перечислим некоторые: освобождение от повинностей помещику, рост интенсивности и качества свободного труда на себя; интенсификация земледелия путем введения новых товарных культур; некоторое усовершенствование орудий труда и агротехники; вовлечение в оборот продукции новых районов, особенно в связи с проведением железных дорог; распашка новых земель, превращение в пашню лугов и пастбищ; увеличение земельной

¹⁰ «Четвертая сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в г. Риге. Тезисы докладов и сообщений», Рига, 1961, табл. к стр. 176.

собственности крестьян путем прикупки земли; увеличение крестьянского землепользования путем аренды.

Конечно, к использованию всех этих резервов была масса помех, связанных прежде всего с многочисленными остатками феодализма. Особо следует отметить тяжелый податный гнет, выкупные и прочие платежи — государству, помещикам, кредиторам и т. п. Мешая росту производства мелких хозяйств, эти платежи вместе с тем заставляли крестьян выбрасывать на рынок не только излишки, но и огромные массы необходимого продукта.

П. Г. Рюндзюнский сделал попытку установить факт расширения мелкого производства только по одному показателю — росту числа крестьян — личных частных собственников мелких участков земли. Учитывая множество факторов, влиявших на развитие этого производства, одного этого показателя, конечно, недостаточно.

Так, многочисленные свидетельства источников и литературы указывают на то, что безземельные покупатели были большей частью людьми состоятельными. Кроме того, данные П. Г. Рюндзюнского не фиксируют случаев прикупки земли к наделу и к ранее купленной земле. Критические замечания И. Д. Ковальченко и Н. Л. Рубинштейна в данном случае вполне уместны. Вместе с тем нельзя полностью согласиться с Н. Л. Рубинштейном в том, что во всех случаях покупки земли крестьянами «перед нами все та же картина крестьянского разложения»¹¹. Отрицать факт роста мелкого товарного производства за счет покупки земли, по крайней мере на тот период, пока созданное таким путем хозяйство не поглощено крупным, так же неправильно, как и не признавать роста крупного производства.

Дело в том, что картина разложения более ярко выступает в случаях покупки в частную единоличную собственность. Но, кроме этого рода сделок, в России очень широкое распространение имели покупки земли товариществами крестьян и сельскими обществами, при которых рост мелкой собственности прослеживается отчетливее. Возьмем для примера данные по операциям Крестьянского поземельного банка за 1883—1895 гг.¹².

	Количество покупателей	Количество купленной земли (дес.)	На 1 двор дес.
Отдельные домохозяева	3146	43 873	14,0
Товарищества	157 795	1 355 563	8,6
Сельские общества	167 706	936 949	5,6
Итого	328 647	2 336 385	

Как видим, средний размер купленных участков у товариществ, и особенно сельских обществ, показывает, что даже если такой участок прикупался к наделу, то хозяйство в целом не могло превзойти приблизительного предела среднего хозяйства. Правда, и здесь земля распределялась далеко неравномерно, но если выделить более крупных покупателей, размеры остальных прикупок еще более понизятся. Характерно также, что число покупателей — отдельных домохозяев и количество приобретенной ими земли ничтожны по сравнению с двумя другими группами. Но не менее важно подчеркнуть и тот факт, что число первых неизменно нарастало из года в год, тогда как число покупателей второй группы оставалось в основном стабильным, а в третьей группе стремительно снижалось год от года. Из этого можно заключить, что хотя в абсолютном значении мелкая собственность еще и возрастала, но ее песня была уже спета. Ведущую роль в банковских покупках приобретали зажиточные элементы деревни, что особенно заметно стало с конца 80-х годов.

¹¹ Н. Л. Рубинштейн. О мелкотоварном производстве..., стр. 86.

¹² В. Довиц. Крестьянский поземельный банк (1883—1895 гг.). М., 1959, стр. 102.

Об обеспеченности покупателей земель до покупки имеются данные для 250 439 лиц (за 9 лет). Если приблизительно считать, как это делает В. А. Вдовин, по 3 душевых надела на хозяйство, то картина будет та- кой¹³.

В составе покупателей было лиц:	
Безземельных	6,8%
Имевших до 4,5 дес.	27,0%
» от 4,5 до 9 дес.	38,6%
» от 9 до 18 дес.	23,0%
» более 18 дес.	4,6%

Исходя из предположения, что больше покупали те, которые и больше имели, мы должны будем отнести добрую половину группы «от 9—18 дес.» не к середнякам (после покупки земли), как это делал В. А. Вдовин, а к более зажиточным группам. Но и при этом окажется, что за рассматриваемый период (1883—1895 гг.) среднее крестьянство сумело увеличить абсолютные размеры своей земельной собственности, значительно теряя с течением времени, как уже говорилось, удельный вес в массе купчих земель. Эти потери были тем более значительными, что обычным уделом мелких заемщиков банка была утрата участков в связи с недоимочностью и переход их к более сильным.

Здесь мы вновь вынуждены повторить, что одних лишь данных о земельных приобретениях слишком недостаточно, чтобы судить о том, в какой мере мелкое крестьянское производство увеличило свои размеры после реформы, опережало ли оно в своем приросте увеличение размеров капиталистического производства у крестьян и до какого периода шло это опережение. Сказанное выше как будто указывает на несомненный рост мелкого производства после реформы, а данные Крестьянского банка о покупке земли даже указывают на то, что тонко подмеченная П. Г. Рындзюнским грань, до которой продолжалось означенное опережение, приходится на 80-е годы. Однако для более обстоятельного доказательства этого имеется ряд трудностей. Дело в том, что для 60—70-х годов в нашем распоряжении слишком мало соответствующих источников. Первые земские подворные переписи относятся в основном к 80-м годам, причем повторные переписи с сопоставимыми итогами встречаются буквально единицами, да и те до сих пор остаются неразработанными. Те сопоставления, которыми мы располагаем, дают, в общем, картину дальнейшего расслоения крестьянства, рост удельного веса товарно-капиталистических форм хозяйства.

Возьмем для примера Карловскую волость Константиноградского уезда Полтавской губернии и посмотрим на более характерный, чем землевладение, признак состоятельности крестьян — группировку дворов по посеву:

Хозяйств:	1889 г. ¹⁴	1910 г. ¹⁵
Без посева	226	169
С посевом до 1 дес.	4	431
» 1—2 »	70	255
» 2—3 »	268	300
» 3—6 »	778	913
» 6—9 »	309	345
» 9—15 »	70	160
» более 15 дес.	2	39
Итого	1727	2612

По приведенным данным ясно видно резкое увеличение пролетаризированной группы, дворов рабочих с клочками земли, по существу нетоварными, относительное уменьшение среднего крестьянства (6—9

¹³ В. Вдовин. Указ. соч., стр. 74.

¹⁴ «Сборник по хозяйственной статистике Полтавской губернии», т. XIV. Константиноградский уезд, Полтава, 1894, стр. 242.

¹⁵ «Третья подворно-хозяйственная земская перепись в Полтавской губернии 1910 года», Константиноградский уезд, Полтава, 1913, стр. 265.

дес.), значительный рост зажиточной группы (больше, чем вдвое) и особенно самой высокой — с 2 до 39 хозяйств.

Очень показателен рост крупного земледелия по данным Феодосийского уезда Таврической губернии. С 1884 по 1911 г. число хозяйств возросло с 7746 до 10 398, а площадь посевов — с 68,8 до 181,2 тыс. дес. При этом число хозяйств с посевом в 25—50 дес. увеличилось с 545 до 969, а посевы у них с 19,3 до 33,6 тыс. дес.; число хозяйств с посевом свыше 50 дес. выросло с 281 до 856, а их посевная площадь — с 22,0 до 103,2 тыс. дес. Налицо бурный рост товарно-капиталистического земледелия в Крыму¹⁶. (Правда, определяющую роль в этом процессе сыграли колонисты, особенно немцы.)

Можно было бы привести и другие аналогичные примеры. Но нельзя не обратить внимания на то, что таким процесс был не везде. Надо учитывать конкретные условия, в которых развивалось сельское хозяйство страны, и прежде всего сельскохозяйственный кризис конца XIX в., рост помещичьей эксплуатации, податной гнет и т. д., а также специфические особенности каждого района. В результате процесс расслоения в ряде мест иногда шел таким образом, что расслаивались и численно сокращались высшие группы, пополняя ряды средних, в связи с чем роль мелкого товарного производства либо не уменьшалась, либо даже временно возрастала.

Так, судя по выборочной разработке итогов переписей 1882 и 1911 гг., в Суражском уезде Черниговской губернии в распределении хозяйств по площади эксплуатируемой пашни произошли следующие изменения¹⁷.

Хозяйств с пашней	1882 г.	1911 г.
До 3 дес.	160	226
3—6 »	509	614
6—9 »	383	398
9—12 »	199	179
Более 12 »	226	175
Итого	1477	1592

Слава Черниговской губернии заключалась, между прочим, в рекордном развитии отработочной системы, которая душила хозяйство всех групп крестьян, хотя и в разной степени. В результате и высшая группа здесь характеризовалась большими контрастами. Так, в 1911 г. в составе ее было 38 торговцев, 28 извозчиков, 9 поденщиков, 2 нанмававшихся в батраки и 2 нищих¹⁸.

Приведенный пример говорит о том, что нельзя рассматривать процесс расслоения крестьянства и соотношение мелкого и капиталистического производства как явления, свойственные в одинаковой мере и однообразном виде всем периодам и районам.

Дискуссия показывает, насколько важное значение имеют вопросы методики исследования исторических явлений. Совершенно резонно ее участники уделили много внимания вопросу о методе расчетов товарности сельского хозяйства. Источники, особенно по дореформенному периоду, сохранили весьма скудные сведения о крестьянской торговле хлебом, поэтому историки, так сказать не от хорошей жизни, стали применять метод расчета товарности зернового хозяйства по исчисленным излишкам. При этом допускается та ошибка, что исчисленное количество излишков отождествляется с количеством фактически проданного хлеба.

Так, И. Д. Ковальченко, исчислив количество зерна, которое остается в хозяйстве за вычетом расхода (по средней норме) на семена,

¹⁶ «Сборник статистических сведений по Таврической губернии», т. III, Симферополь, 1886, стр. Г67; «Материалы по описанию Феодосийского уезда», вып. 1, Симферополь, 1914, стр. 472, 475.

¹⁷ Г. А. Кущенко. Крестьянское хозяйство в Суражском уезде Черниговской губернии по двум переписям — 1882 и 1911 гг., Чернигов, 1916, стр. 18.

¹⁸ Там же, стр. 32.

продовольствие и хозяйственные нужды, пишет: «Полученный остаток рассматривается нами как товарные излишки, поступавшие в продажу»¹⁹. Можно понять сожаление И. Д. Ковальченко, что дореформенные источники почти не содержат крестьянских бюджетов или таких обследований, по которым можно было бы точно судить о товарности той или иной группы хозяйств²⁰. К несчастью, и в пореформенных источниках такие сведения встречаются в виде редких исключений. Тем важнее привести здесь некоторые из этих данных.

В начале 80-х годов XIX в. Д. Н. Жбанковым были детально изучены хозяйство и быт крестьян села Большого Пронского уезда Рязанской губернии. В этом селе только третья часть всех хозяйств, занимавшихся земледелием, продавала хлеб; из них больше половины продавали не излишки, а необходимый в хозяйстве продукт, и появлялись весной на рынке в качестве покупателей того же продукта. Излишки продавала лишь десятая часть всех дворов, занятых земледелием, зато на их долю приходилось 60% всего товарного хлеба²¹. Наряду с большим удельным весом натуральных хозяйств в селе имели место и мелкое товарное, и некоторая доля капиталистического производства хлеба. Но в составе мелкотоварных хозяйств мы видим два разные слоя: одни продают необходимый хлеб, другие реализуют излишки.

Иную картину дают бюджетные данные по Казанской губернии, относящиеся к более позднему времени (обследование 1899 г.). Из 82 описанных хозяйств только 9 не продавали хлеб и не покупали, ведя натуральное зерновое хозяйство. 44 хозяйства, т. е. более половины, продав осенью 3260 пудов хлеба на сумму 1438 руб. 70 коп., т. е. по 44,1 коп. за 1 пуд, купили весной 1735 пудов на сумму 1035 руб. 74 коп., т. е. по 59,1 коп. за 1 пуд. 24 хозяйства продавали хлеб, не покупая, т. е. вели торговое земледелие²².

Еще более поздние данные относятся также к району преимущественно зернового хозяйства. Имеется в виду обследование бюджетов крестьянских хозяйств Тамбовской губернии, проведенное А. Н. Челинцевым в 1915 г. По этим данным в Центральном статистическом управлении был составлен баланс хлебов по 84 бюджетам (табл. 1)²³.

ТАБЛИЦА 1

Продажи и покупки хлеба по 84 тамбовским бюджетам в 1914/15 г.

Группа хозяйств по посеvu (дес. на двор)	Кол-во хозяйств	Продано		Куплено		Продано минус куплено	
		пудов	% к сбору	пудов	% к сбору	пудов	% к сбору
2,2	4	60,0	10,9	316,0	57,7	-256,0	46,8
3,6	24	587	10,9	992,9	18,4	-405,9	7,5
5,3	20	1177,7	17,3	721,3	10,6	456,4	6,7
7,7	30	3415,5	23,4	614,9	4,2	2800,6	19,2
14,9	4	1049,0	27,7	171,3	4,5	877,7	23,1
21,9	2	1130	39,1	76,2	2,6	1053,8	36,5
Итого	84	7419,2	21,8	2892,6	8,5	4526,6	13,3

Данные бюджетов показывают, что даже беднейшие группы хозяйств вынуждены продавать часть своего урожая (около 11% валового

¹⁹ И. Д. Ковальченко. Крестьяне и крепостное хозяйство..., стр. 214.

²⁰ См. И. Д. Ковальченко. Об изучении мелкотоварного уклада..., стр. 76.

²¹ Д. Н. Жбанков. Село Большое Пронского уезда, СПб., 1883, стр. 14—16.

²² «Крестьянские бюджеты», вып. 1, Казань, 1899, стр. 33—46. Подсчитано по отдельным бюджетам.

²³ ЦГАОР СССР, ф. 1562 (ЦСУ), отд. с/х, оп. 19, д. 677, л. 84.

сбора), зато потом, обычно взяв деньги у помещиков «под работу», покупают зерно на продовольствие и на семена. Группа с посевом 5,3 дес. в среднем на двор имеет некоторые излишки, но продает она больше, чем излишки, так как потом снова покупает хлеб. Средняя группа (7,7 дес.) имеет и продает излишки, прикупая затем небольшую часть (по 20 пуд. на хозяйство). Однако положение ее нельзя назвать благополучным. Приводившиеся нами в другой статье расчеты²⁴ показывают, что в районах зернового производства (не степных) хозяйства с посевом менее 8—9 дес., как правило, имеют дефицит от занятия сельским хозяйством, который они вынуждены покрывать за счет продажи своей рабочей силы. Две высшие группы ведут явно предпринимательское хозяйство. В 1914/15 г. они продали 32,6% собранного ими хлеба. Они также прикупали небольшое количество зерна (4,5—2,6% к собственному хлебу), возможно, улучшенных семян. Но хозяйства этих групп тоже нельзя брать за одну скобку, так как они не представляют какой-либо один экономический тип. Одна часть из них хозяйствует без применения наемной рабочей силы, т. е. ведет простое товарное производство, другая — прибегает к найму батраков и поденщиков, и, таким образом, переходит в разряд капиталистических хозяйств.

Характерно, что как в валовом сборе, так и в товарной части, количественное преобладание в данном случае еще сохранялось за мелкими производителями. Но при этом надо учитывать выборочный характер обследования.

Особый интерес в данном случае представляют районы, где в основе крестьянского хозяйства было производство не хлеба, а торговых технических культур. Мы располагаем итогами подворного и частичного бюджетного обследования трех уездов Калужской губернии (1897 г.). Возьмем наиболее характерный для губернии Перемышльский уезд, где главным торговым продуктом производства была конопля (табл. 2)²⁵.

Нелегкий труд прочесть столь громоздкую таблицу вполне вознаграждается содержанием заключающихся в ней сведений, которые трудно переоценить.

Хозяйства, подвергшиеся бюджетному обследованию, как и во всех других случаях, оказались несколько зажиточнее всей массы крестьян. Но здесь это отклонение было не очень значительным, и поэтому показанные в таблице различия в группах в основном соответствовали степени дифференциации всего обследованного уезда. Деревня, как видим, уже весьма неоднородна, 57% крестьян или не имеют посевов, или имеют менее 6 дес. на двор, тогда как 6,4% хозяйств имеет более 12 дес. каждое, хотя доля их здесь невелика.

Особенно убедительно цифры говорят о самой тесной, неразрывной связи всех групп крестьян с рынком. Наиболее связанными с рынком оказываются самые крайние группы. Так, если взять покупку сельскохозяйственных продуктов, то их больше всего покупают беспосевные и крестьяне с посевом свыше 12 дес. (38,00 и 30,50 руб.), хотя значение этих покупок у тех и других различно. Первые, например, покупают пшеничной муки на 3 руб., а вторые — на 11 руб. 20 коп. Хозяйствам, не имеющим посевов, продавать нечего, кроме соломы с крыши, которую потом все равно надо будет крыть. Покупают они рожь, пшено и постное масло. Это уже явные пролетарии. Весь «доход» их, по 5 руб. на хозяйство, поступает, видимо, от продажи молока, так как и они арендуют сенокос.

²⁴ См. А. М. Анфимов. К вопросу об определении экономических типов земледельческого хозяйства (конец XIX — начало XX в.). «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России», сб. статей к 75-летию акад. Н. М. Дружинина, М., 1961, стр. 362—379.

²⁵ «Статистическое описание Калужской губернии», т. III, Перемышльский уезд. Основные таблицы. Калуга, 1899, стр. 294—301.

ТАБЛИЦА 2

Купля-продажа сельскохозяйственных продуктов и денежный баланс по 470 крестьянским хозяйствам Перемышльского уезда Калужской губернии.
Обследование 1897 г. (в руб.)

	Без посева — 2 хоз.		До 3 дес.—66 хоз.		3—6 дес.—200 хоз.		6—9 дес. — 119 хоз.		9—12 дес.—53 хоз.		Свыше 12 дес.— 30 хоз.		Итого — 470 хоз.	
	продажа	купля	продажа	купля	продажа	купля	продажа	купля	продажа	купля	продажа	купля	продажа	купля
Рожь и ржаная мука	—	51	—	1404	170	2338	329	1164	238	242	381	169	1118	5368
Пшеничная мука	—	6	—	250	—	863	—	656	—	314	—	336	—	2425
Овес	—	—	22	146	286	649	351	278	231	137	384	59	1274	1269
Ячмень	—	—	14	20	191	91	245	22	93	14	43	3	586	150
Картофель	—	6	16	46	86	56	73	26	25	12	30	7	230	153
Конопля (семя)	—	—	119	24	861	34	839	—	538	—	746	2	3103	60
Пенька	—	—	244	9	1313	1	1013	2	791	10	942	4	4303	26
Доход от замашки	—	—	22	—	118	12	112	5	46	5	34	—	332	22
Льняное семя	—	—	47	—	124	—	39	—	39	—	26	—	275	—
Солома	1	—	28	123	62	186	68	46	45	36	72	27	276	418
Крупа и пшено	—	7	—	206	70	416	11	329	1	180	—	184	82	1322
Масло постное	—	5	—	139	16	267	3	202	—	118	—	104	19	835
Прочие продукты	—	1	—	9	24	35	41	31	24	18	4	20	93	114
Итого	1	76	512	2376	3321	4948	3124	2761	2071	1086	2662	915	11691	12162
Доход от прочих отраслей сель- ского хозяйства	10	—	107	—	519	—	576	—	145	—	73	—	1430	—
Всего дохода	11	—	619	—	3840	—	3700	—	2216	—	2735	—	13121	—
Доход от конопли	—	—	410	—	2298	—	1891	—	1368	—	1714	—	7681	—
» » % к итогу	—	—	66	—	60	—	51	—	62	—	63	—	59	—
» » на 1 хоз-во	—	—	6,21	—	11,49	—	15,89	—	25,81	—	57,13	—	16,34	—
Расходы:														
Покупка инвентаря	—	—	—	65	—	452	—	375	—	162	—	110	—	1164
Ремонт инвентаря и построек	—	—	—	190	—	911	—	784	—	371	—	339	—	2595
Арендная плата	—	13	—	454	—	1861	—	2444	—	1334	—	1963	—	8069
Подати	—	3	—	926	—	3812	—	2849	—	1458	—	1181	—	10229
Всего расходов в хозяйствах	—	92	—	4011	—	11984	—	9213	—	4411	—	4508	—	34219
Дефицит	81	—	3392	—	8144	—	5513	—	2195	—	1773	—	21098	—
Доход от с/х в % ко всему рас- ходу	12	—	17	—	35	—	42	—	58	—	66	—	42	—
Расход на покупку продуктов на 1 хозяйство	—	38,00	—	36,00	—	24,74	—	23,20	—	20,46	—	30,50	—	25,88

Далее идет группа с посевом до 3 дес. (66 хозяйств). Может показаться странным, почему они, не имея достаточно хлеба, предпочитают сеять и продавать коноплю, чтобы купить рожь, муку и овес, а также крупу и постное масло. Но обстановка товарного хозяйства заставляет и их искать более выгодного приложения своего труда, и они становятся «товаропроизводителями». При этом надо учитывать особенности почв уезда, принудительность общинного севооборота и крестьянскую привычку «делать как мир». Однако весь их доход от главной торговой культуры составляет мизерную сумму — 6 руб. 21 коп. на 1 двор. При рыночном доходе от сельского хозяйства в 619 руб. на всех они имеют расходов на одну только аренду и подати 1380 руб., а весь их дефицит составляет 3392 руб., который они частью покрывают займом (375 руб.), а остальные 3017 руб. очевидно должны добыть на стороне. Весь денежный доход от сельского хозяйства покрывает всего лишь 17% их расходов. Можно ли при таких «показателях» отнести их к категории «мелкотоварного уклада»? Думается, что это было бы насильем над здравым смыслом. Это, если не «чистые» пролетарии, то уж «полупролетарии» во всяком случае.

Не будем подробно сравнивать группы с посевом 3—6 и 6—9 дес. Ничем существенным они не отличаются, кроме размеров производства. Доход от продажи своих продуктов составляет к расходу 35% в первой и 42% во второй группе. Продуктов на рынке они покупают меньше, чем низшие группы (24,74 и 23,20 руб.). От главной торговой культуры они получают в год тоже немного (11,49 и 15,89 руб. на 1 двор).

Внимательнее посмотрим на то, чем отличается группа с посевом 6—9 дес. от следующей, с посевом 9—12 дес. на 1 двор. Если в низших группах доля посевов конопли снижалась от низшей к более высокой (66,60, 51%), то с группы с посевом 9—12 дес. она вновь начинает повышаться (62%). Заметно возрастает доход от этой культуры (25 руб. 81 коп.). Денежный доход от сельского хозяйства здесь уже составляет больше половины всего денежного расхода, а если принять во внимание непоказанную в таблице натуральную часть дохода — продукт, потребленный в хозяйстве, то значение земледелия для этой группы будет выглядеть очень весомо, хотя и здесь крестьяне покупают больше, чем продают²⁶. Во всех группах хозяйств с посевом от 3 до 12 дес., как свидетельствует наш источник, встречался наем рабочей силы, но характер этого найма весьма различен. Например, хозяйства с 3—6 дес. посева нанимали преимущественно «женщин-полуработниц», т. е. девочек на уборку конопли, хозяйства с 6—9 дес. — главным образом взрослых женщин и девочек. В группе же с 9—12 дес. преобладает наем женщин, нанимаются и мужчины, а наем девочек совсем не практикуется. Таким образом, между двумя этими группами имеются хотя и не резкие, но существенные различия. Поэтому можно думать, что в группе с посевом 9—12 дес. наем рабочих имеет уже не чисто вспомогательное и временное значение, а входит в систему, преследует цель извлечения прибавочной стоимости, т. е. представляет собой зачатки капиталистической эксплуатации. Поэтому те хозяйства, которые нанимают рабочих, должны быть, очевидно, отнесены к формирующемуся капиталистическому сектору, а не применяющие наемного труда — к ведущим простое товарное производство.

²⁶ Заметим, что рассматриваемая таблица показывает дефицит в бюджете даже высших групп. Это, по-видимому, объясняется двумя главными обстоятельствами: во-первых, Калужская губерния вообще характеризовалась очень сильным развитием отхода и «промыслов», с которыми были тесно связаны и высшие группы; во-вторых, в высших группах большая доля расходов падала именно на «промыслы» (рабочий скот и упряжь для извоза, мельницы, предприятия для переработки конопли, торговые помещения и т. п.). Выборочные данные показывают также, что дефицит приходится преимущественно на те хозяйства высших групп, которые не пользуются наймом рабочей силы.

Этот же принцип, естественно, должен быть применен и к хозяйствам с посевом свыше 12 дес. Здесь значительно крупнее размеры производства (главная торговая культура дает 57 руб. 13 коп. дохода, доля ее в посеве поднимается до 63%), один только денежный доход от сельского хозяйства, не считая натурального потребления, составляет $\frac{2}{3}$ валового денежного расхода. Промыслы, хотя они и имеют место, занимают подчиненное положение. К тому же и характер этих промыслов здесь иной. Из 571 обследованного по уезду двора этой группы дворов с «промышленниками» было 408, но среди последних — только 6 батраков. Наоборот, сами эти хозяйства широко применяли наем рабочей силы. Из указанного количества дворов 167 хозяйств нанимали рабочих в количестве 227 человек²⁷. Эти 167 хозяйств, безусловно, следует считать капиталистическими, а остальные — ведущими простое товарное хозяйство.

Из числа хозяйств, по которым есть бюджетные данные, в группе с посевом 9—12 дес. нанимали рабочих 16 хозяйств из 53-х. в группе с посевом свыше 12 дес. — 17 из 30 хозяйств. Вычислив приходящуюся на них долю стоимости главного рыночного продукта, получим, что капиталистически организованные хозяйства этих двух групп произвели товарной продукции на 1385 руб. Остальные хозяйства тех же групп, т. е. ведущие простое товарное производство (без применения наемной рабочей силы) — на 1697 руб. Хозяйства групп с посевом 6—9 и 3—6 дес. на 1 двор дали на рынок главного продукта на 4189 руб. Выше мы выяснили, что обе эти группы значительно отличаются от двух высших, прежде всего тем, что ведут явно убыточное хозяйство, играющее подчиненную роль по отношению к основному источнику дохода — продаже своей рабочей силы. Наконец, группа хозяйств с посевом до 3 дес. на 1 двор сбыла на рынке главного продукта на 410 руб. Эту группу мы характеризовали выше как «полупролетарскую». Группа беспосевных, пролетарских хозяйств, естественно, ничего не произвела.

Таким образом, мы видим, что в производстве товарной сельскохозяйственной продукции принимали участие различные экономические типы хозяйств: полупролетарские, мелкие бездоходные полунатуральные, простые товарные и капиталистические. Применить здесь категорию «мелкотоварный уклад» в том понимании, какое вкладывают в него П. Г. Рындзюнский и И. Д. Ковальченко, оказывается явно невозможным. В нашем примере из всей стоимости рыночного продукта в 7681 руб. на долю всех мелких и простых товарных хозяйств пришлось бы 6296 руб. или 82% и на долю капиталистического хозяйства — 18%. На самом деле численное преобладание в товарном производстве Перемышльского уезда, как и в Тамбовской губернии, остается за мелкими хозяйствами потребительского, полунатурального типа. Такова кажущаяся несообразность, своего рода ирония истории, но она представляет собой реальный факт, от которого отмахнуться нельзя, который надо изучить и правильно объяснить.

Причины подобных явлений видел еще Энгельс, когда в дополнении к III тому «Капитала» К. Маркса писал о землях индийских и русских общин, «которые должны были продавать часть своего продукта, притом все возрастающую часть, чтобы выручить деньги для уплаты налогов, которые выжимал из них, довольно часто посредством истязаний, беспощадный деспотизм государства. Эти продукты продаются безотносительно к ценам производства, продаются за цену, которую предлагает торговец, так как крестьянин к сроку платежа должен во что бы то ни стало добыть денег»²⁸. Для этих «крестьян, подавленных непосильными податями»²⁹, гнетом крепостнических латифундий и торгово-ростов-

²⁷ «Статистическое описание Калужской губернии», т. III, Перемышльский уезд. Основные таблицы, стр. 207—208.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, ч. II, стр. 283.

²⁹ Там же.

щического капитала, эта «товарность» несла с собой новые беды и лишения. Недаром рост товарности земледелия и расширение связей крестьянина с рынком шло параллельно с оскудением крестьянства большинства внутренних губерний. Именно это имел в виду Ленин, когда писал уже после Октябрьской революции: «Крестьянин голодал в России при помещиках и капиталистах. Крестьянин никогда еще, в течение долгих веков нашей истории, не имел возможности работать на себя, он голодал, отдавая сотни миллионов пудов хлеба капиталистам, в города и за границу. *Впервые* при диктатуре пролетариата крестьянин работал на себя и *питался лучше горожанина*»³⁰.

На основании приведенных нескольких расчетов нельзя, конечно, сделать вывод, что везде и всюду на рынке преобладала продукция мелких крестьян. По данным В. С. Немчинова известно, что к началу мировой войны в массе товарного хлеба 21,6% составлял хлеб помещиков, 50% — кулаков и лишь 28,4% — хлеб середняков и бедноты. Это и понятно, так как середняки и особенно беднота вели в основном натуральное хозяйство: товарная продукция хлеба у них составляла всего лишь 14,7% к валовому сбору зерна.

Следует, однако, сказать, что при исследовании аграрных отношений более важное значение имеет определение экономических типов хозяйства, их роль в производстве, взаимоотношения между ними и место их в экономическом и социальном строе страны. Понятно, что в пределах данной статьи речь не может идти обо всем этом комплексе проблем. Мы наметили лишь основные контуры экономических типов земледельческого хозяйства, причем грани хозяйственной самостоятельности между ними, конечно, очень условны и для ряда случаев могут быть уточнены. Здесь мы ограничиваем себя задачей показать удельный вес этих типов хозяйств только в одной, зато самой главной отрасли сельскохозяйственного производства — в земледелии.

Но прежде, чем сделать это, рассмотрим приведенный И. Д. Ковальченко расчет удельного веса мелкого производства в земледелии России. Относя мелких и средних крестьян к «мелкотоварному укладу», И. Д. Ковальченко сделал интересную попытку доказать, что к концу XIX в. мелкотоварное производство, если и не утратило еще способности расширяться в абсолютных размерах, то в относительном значении далеко уступало другим формам производства, или, говоря его словами, «было отодвинуто на задний план капиталистическим и крепостническим хозяйством»³¹.

Для доказательства этого тезиса И. Д. Ковальченко взял данные Центрального статистического комитета о посевной площади на частновладельческих и надельных землях и данные о доле рабочих лошадей в мелких и средних хозяйствах, вычислил долю посевов этих хозяйств и полученные цифры сравнил с общей площадью посевов. Получилось, что на долю беднейшего и среднего крестьянства к концу XIX в. приходилось не более 1/3 части земледельческого производства.

Ввиду особой важности вопроса о численном соотношении форм производства, мы вынуждены остановиться на этом расчете. По нашему мнению, И. Д. Ковальченко в данном случае допустил одну фактическую ошибку и два неоправданных методических упрощения. Все посеы на частновладельческих землях он принял за частновладельческие же посеы. Между тем известно, что Центральный статистический комитет не учитывал, кто сеял хлеб на частновладельческой земле — сам ли владелец или арендаторы. Известно также, что большая доля помещичьих земель находилась в аренде у крестьян, в том числе у бедноты и серед-

³⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 92.

³¹ И. Д. Ковальченко. Об изучении мелкотоварного уклада..., стр. 93.

няков³². Именно это обстоятельство наряду с обработкой помещичьих полей крестьянским инвентарем и позволило В. И. Ленину говорить о господстве мелкой культуры на крупных латифундиях. Далее, долю посевов зажиточного крестьянства И. Д. Ковальченко принял равной 55% для 80-х годов и 51% — для 90-х годов, соответственно доле рабочих лошадей у высших групп, внося затем небольшую поправку за счет посевов на землях личного частного землевладения, и все эти посева принял за капиталистически обрабатываемые площади. Говоря о первом из этих упрощений, нельзя не усомниться, действительно ли распределение посевных площадей соответствовало распределению рабочего скота по категориям хозяйств. Дело в том, что у высших групп хозяйств видное место занимали разного рода промышленные заведения, лесные разработки, занятия торговлей, извозом и т. п. Все это требовало средств тяги и передвижения. Что же касается второго упрощения, т. е. отнесения всей зажиточной части деревни к капиталистическим предпринимателям, то недопустимость его также совершенно очевидна.

В своей последней статье И. Д. Ковальченко правильно указывает, что «некоторые исследователи выводы о социальном расслоении крестьян делают, либо не имея данных о том, какую роль играли наем и продажа рабочей силы у различных групп крестьян, либо игнорируя имеющиеся данные, либо вовсе обходя этот вопрос, видимо, как не заслуживающий внимания»³³. Между тем, сам он зачисляет в группу капиталистических хозяйств все дворы с 3 и более лошадьми, не учитывая основной признак капиталистического хозяйства — наем рабочей силы. Насколько это неправильно, покажем хотя бы на одном примере.

По воронежским бюджетам из 47 хозяйств с 3 головами рабочего скота только 30 хозяйств нанимали рабочую силу на сумму 488 руб. 90 коп., т. е. по 16 руб. 30 коп. на хозяйство. При этом 9 хозяйств из 30 расходовали на наем от 30 коп. до 5 руб., а в среднем 1 руб. 90 коп. Из всех 83 хозяйств с 3 и более головами рабочего скота наймом пользовались 56 хозяйств, а остальные, очевидно, вели простое товарное производство³⁴. Таких примеров можно привести много.

Напомним, что по тем же данным В. С. Немчинова, даже к началу первой мировой войны на долю бедноты и середняков приходилось половина производства хлеба (2,5 млрд. пудов), другую половину производили помещики и кулаки.

Вопрос о роли, об удельном весе того или иного экономического типа хозяйства во всем многообразном сельскохозяйственном производстве не может быть решен немедленно. Для этого потребуются большие коллективные усилия историков и экономистов. Здесь, повторяем, мы пытаемся выяснить место указанных форм хозяйства только в земледелии. Как и И. Д. Ковальченко, долю в производстве мы определяем упрощенно по размеру посевных площадей, не беря в расчет скотоводство, огородничество и прочие отрасли.

Основным источником для наших расчетов явились итоги земских подворных переписей конца XIX — начала XX в., опубликованные в статистических сборниках. Надо, однако, сказать, что воспользоваться можно лишь в общем незначительной частью этих сборников, так как в большинстве их не содержится группировок дворов по их хозяйственной состоятельности, а в тех случаях, когда такие группировки есть, то нередко отсутствуют либо данные о наемном труде (Тверская, Уфимская, Харьковская, Тульская и другие губернии), либо

---

³² Напомним, что Н. Карышев исчислял внеадельную аренду крестьян в 50 млн. десятин.

³³ И. Д. Ковальченко. Некоторые вопросы генезиса капитализма в крестьянском хозяйстве России, стр. 81.

³⁴ Ф. А. Щербина. Крестьянские бюджеты, Воронеж, 1900, стр. 2--190.

даже сведения о площади посевов (например, Воронежская губерния). Но и по тем земским переписям, где эти данные есть, не всегда представляется возможным определить всю посевную площадь, которая приходится на долю деревенской буржуазии. Тут мы подходим к одному из важных вопросов, который очень часто ускользает от внимания наших историков-аграрников, к вопросу о составе сельской буржуазии.

Исходя из задачи определить, какую долю в посевной площади занимала та часть деревенской буржуазии, которая обращала капитал на предпринимательское земледелие, можно было бы ограничиться теми дворами, которые вели такое хозяйство с наймом рабочей силы. Но в составе сельской буржуазии определенное место занимали владельцы торговых, мелких промышленных заведений и просто торговцы деньгами — ростовщики. Они, как правило, имели более или менее значительное хозяйство, но встречались во всех посевных группах, и очень часто с незначительными размерами полевого хозяйства. Считать их в этих группах, значило бы преувеличить удельный вес низших групп. Земской статистикой далеко не всегда учитывалось, сколько имелось таких хозяйств, что еще более сужает наши возможности. В некоторых сборниках приводятся сведения о числе хозяйств с торгово-промышленными заведениями, в других — о числе хозяйств с наймом рабочих для таких заведений, а иногда даются лишь сведения о числе лиц, занятых торгово-промышленной деятельностью. Все это весьма затрудняет выделение доли посевов, приходящихся на эту категорию сельских капиталистов. Тем не менее, мы попытались кое-что сделать в этом отношении с тем, чтобы исключить из низших групп земледельческое производство буржуазных элементов, как бы ни ничтожны были его размеры.

Особо следует оговорить то обстоятельство, что в статистических сборниках совершенно невозможно выделить те хозяйства, которые, владея торгово-промышленными предприятиями, вели одновременно торговое земледелие. Поэтому в наших расчетах одно и то же хозяйство может быть отражено сразу в двух рубриках: «хозяйства с наймом для земледелия», «хозяйства с торгово-промышленными предприятиями». Конечно, в каждом из таких случаев к капиталистическому сектору идет удвоенная доля посевов, т. е. мы явно завышаем эту долю.

Но, с другой стороны, надо учесть, что в самой высшей группе, ввиду суммарности имеющихся данных, посевы хозяйств с наймом и без найма приходится делить пропорционально числу хозяйств, хотя можно предполагать, что у первых размеры площади посева были больше, чем у вторых. Этим несколько занижается доля капиталистических обрабатываемых площадей, что в какой-то мере должно покрывать указанное завышение ее.

Как выглядит распределение посевных площадей по различным экономическим типам хозяйств, имея в виду предлагаемую методику расчета, можно показать на одном из примеров. Ниже приводится такой расчет по знакомому нам Перемышльскому уезду Калужской губернии (табл. 3)³⁵.

Присматриваясь к таблице 3, видим, что рабочих для земледелия в уезде нанимали хозяйства всех групп, но преимущественно крупные. Однако в низших группах, не получавших дохода от земледелия и вынужденных покрывать дефицит неземледельческими заработками, этот наем нельзя рассматривать как капиталистический. Только с группы с 9—12 дес. посева и выше мы выделяем капиталистический посев, равный доле хозяйств с наймом рабочих. Зато из всех групп выделяется посев, приходящийся на долю владельцев торгово-промышленных заведений и причисляется к капиталистическим формам хозяйства. В итоге получа-

³⁵ «Статистическое описание Калужской губернии», т. III, Перемышльский уезд, Основные таблицы, стр. 207, 208, 213.

Типы земельного хозяйства в Перемышльском уезде Калужской губернии. Обследование 1897 г.

Группы хозяйств по посевам	Всего хозяйств		Из них						В том числе посева хозяйства						Итого посева у капиталистических хозяйств					
	х	%	с выделом для земледелия		с торгово-промышленными заведениями		Всего посева озимого, ярового и конопля		полу-старших		поднатуральных		простых товарных		капиталистических		дес.	%		
			хоз-в	%	хоз-в	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%				
Без посева	378	4,2	—	—	2	0,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
С посевам до 3 дес.	2115	23,4	45	2,1	26	1,2	3443	7,4	3402	98,8	—	—	—	—	41	1,2	44	1,2		
3—6 »	3346	37,2	209	6,2	40	1,2	13783	29,5	—	—	13568	98,9	—	—	165	1,2	165	1,2		
6—9 »	1820	20,2	235	12,9	24	1,3	12582	27,1	—	—	12418	98,7	—	—	164	1,3	164	1,3		
9—12 »	790	8,7	160	20,3	44	1,8	7772	16,7	—	—	—	—	6054	77,9	140	1,8	1718	22,1		
Свыше 12 »	571	6,3	167	29,2	12	2,1	8947	19,3	—	—	—	—	6147	68,7	2612	29,2	2800	31,3		
Итого	9020	100	816	9,0	118	1,3	46477	100	3402	7,3	25986	55,9	12201	26,3	4190	9,0	698	1,5	4888	10,5

ется, что в Перемышльском уезде посева пролетаризированной части хозяйств составляли 7,3%, полунатуральных (бездоходных) хозяйств — 55,9%, простых товарных — 26,3%, капиталистических земледельческих — 9,0%, капиталистических хозяйств, связанных с торговлей и промышленным предпринимательством, — 1,5%, а всего капиталистический «сектор» занимал 10,5% посевной площади. Численное преобладание оставалось, во-первых, за полунатуральным хозяйством и, во-вторых, за простым товарным.

Из-за отсутствия места мы не можем привести здесь таких же подробных расчетов по всем уездам, по которым имеется весь комплекс необходимых исходных данных. Более того, даже сводные данные, аналогичные итогу предыдущей таблицы, могут быть приведены нами лишь выборочно, по одному (по возможности) наиболее «земледельческому» уезду из каждой губернии. Эти сводные итоги даются в таблице 4³⁶.

³⁶ Таблица составлена по данным земской статистики. (См. «Материалы для оценки земель Вологодской губернии», т. I, Грязовецкий уезд, Вып. I. Таблицы. Крестьянское хозяйство, М., 1903, стр. 876—929; «Статистическое описание Ярославской губернии», т. III, Мологский уезд, вып. I. Ярославль, 1904, стр. 466—479; «Материалы для оценки земель Владимирской губернии», т. XII, Покровский уезд, вып. II, Владимир, 1907, стр. 560—575; «Статистическое описание Калужской губернии», т. III, Перемышльский уезд, Калуга, 1899, стр. 207—213; «Материалы к оценке земель Пермской губернии», т. V, вып. 2, Шадринский уезд, Пермь, стр. 376—392; «Итоги оценочно-экономического исследования Тульской губернии», т. I, Елифанский уезд, вып. I. Таблицы, М., 1902, групповые таблицы, стр. 34—49; «Подворная перепись крестьянских хозяйств Самарской губернии. Самарский уезд», Самара, 1913, стр. 192—217; «Сборник по основной статистике. Подворная перепись. Бердянский уезд», вып. I, Симферополь, 1909, стр. 284, 407, 1141).

Рассматривая таблицу 4, нельзя не прийти к выводу, что в уездах нечерноземной полосы, а также и центральной черноземной зоны, хотя и в разной степени, количественное преобладание к началу XX в. оставалось за полунатуральным крестьянским хозяйством, хотя в некоторых местах значительное место занимало производство простых товаропроизводителей (например, Шадринский уезд — 30,3%). Капитал сельской буржуазии обращался на земледелие преимущественно в южных и юго-восточных районах: в Бердянском и Самарском уездах его доля весьма заметна, хотя в первом (наиболее «мелкокрестьянском из всех уездов Южного степного района) преобладание еще оставалось за простым товарным производством.

Конечно, по этим выборочным данным нельзя составить сколько-нибудь полного представления об удельном весе различных экономических типов крестьянских хозяйств во всем земледельческом производстве Европейской России. Но даже при всей осторожности в подходе к приведенным данным они, как нам кажется, могут быть достаточным основанием для того, чтобы признать вывод П. Г. Рындковского о численном преобладании мелкого крестьянского производства в России в

ТАБЛИЦА 4
Распределение посевной площади по крестьянским земледельческим хозяйствам различного экономического типа в некоторых уездах Европейской России к концу XIX — началу XX в.

Губерния	Уезд	Всего хозяйств	Из них				Всего посева	В том числе посеяны хозяйствами						Итого посева у капиталистических хозяйств					
			с наймом для земледелия		с торгово-промышлен. предпр.			полупролетарских	полунатуральных	простых товарных	капиталистических		торгово-промышленных						
			хоз-в	%	хоз-в	%					земледельческих	%			дес.	%	дес.	%	
		к-во				дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%		
Вологодская	Грязовецкий	1900 21 408	9346	43,7	8151	3,8	50 794	10 573	20,9	35 556	70,1	1084	2,1	996	2,0	2495	4,9	3491	6,9
Ярославская	Мологский	1899 22 344	4033	4,6	7732	3,5	46 332	607	1,3	24 596	53,1	16 833	36,3	2081	4,5	2215	4,8	4296	9,3
Владимирская	Покровский	1900 21 888	7008	32,0	1240	5,7	49 804	16 641	33,0	27 697	56,0	1173	2,4	498	1,0	3795	7,6	4293	8,6
Калужская	Перемышльский	1897 9020	816	9,0	118	1,3	46 477	3402	7,3	25 986	55,9	12 201	26,3	4190	9,0	698	1,5	4888	10,5
Пермская	Шадринский	1900 56 402	4126	7,3	1536	2,7	516 789	18 427	3,6	239 903	46,4	156 442	30,3	77 190	14,9	24 827	4,8	102 023	19,7
Тульская	Епифанский	1900 20 567	925	4,6	497	2,4	76 147 ¹	5787	7,6	51 986	68,2	8752	11,5	5930	7,8	3712	4,9	9642	12,7
Самарская	Самарский	1911 2524	773	30,6	63	2,5	19 037	969	5,1	5690	29,8	4774	25,0	7346	38,4	318	1,7	7664	40,1
Тверская	Бердянск	1904 37 853	5655	14,9	1013	2,7	569 371	18 934	3,3	64 871	11,4	253 631	44,6	209 578	36,8	22 357	3,9	231 935	40,7

¹ Подсчитано число торговцев, скупщиков молока и владельцев предприятий в селе и на стороне и, считая, что в каждом дворе только по одному такому лицу, их число принято равным количеству дворов.

² Учтены хозяйства с торгово-промышленными предприятиями и наймом для кустарного промысла.

³ Учтена вся пашня, находящаяся в пользовании крестьян, включая пар.

своей основе правильным. Дальнейшее усовершенствование методики исследования и углубленная разработка источников по экономической истории пореформенной российской деревни позволят дать более обстоятельное решение этого вопроса, как и ряда других, которые поставлены в интересной статье П. Г. Рындзюнского.

Подведем некоторые итоги:

1. Статьей П. Г. Рындзюнского положено начало важному и полезному делу изучения места и роли мелкого товарного производства в России XIX в. Статья ценна своей постановочной частью и уязвима со стороны конкретных доказательств.

2. Такая категория мелкотоварного уклада, в которую зачисляется производство всех мелких некапиталистических хозяйств, не может быть рекомендована для научного анализа экономики дореволюционной России.

3. Необходимо различать рост рыночных связей крестьянского хозяйства вследствие увеличения феодальных повинностей в виде денежной ренты и в результате развития мелкого товарного производства.

4. Представляется полезным различать феодальное и капиталистическое расслоение деревни, причем в последнем выделять типы: 1) расслоение, сопровождавшееся выделением промышленной буржуазии, с одной стороны, и первых представителей пролетариата, с другой; 2) расслоение с образованием из зажиточной верхушки слоя капиталистических предпринимателей в земледелии на одном полюсе и слоя сельскохозяйственных рабочих — на другом. Заключительной, высшей фазой расслоения этого типа является разложение крестьянства как класса, начавшееся после реформы 1861 г.

5. Нельзя отрицать ни абсолютного, ни относительного (на определенном этапе) роста мелкого товарного производства после реформы, но надо признать, что необходимо исследование конкретных данных, подтверждающих этот рост.

6. Нет оснований отрицать численное преобладание мелкого производства в земледелии страны в целом по сравнению с крупным, применяющим наемный труд, ни для первых десятилетий после реформы, ни для последующего времени. Что касается территорий, представленных в табл. 4, это преобладание можно считать доказанным.

7. Само мелкое производство полезно рассматривать по отдельным экономическим типам хозяйств — пролетарские, полупролетарские, полунатуральные (потребительские, бездоходные — о терминологии надо еще договориться), простые товарные. Капиталистическую группу выделять не по одному только размеру производства, но делать это с учетом ее основного признака — систематического применения наемного труда при достаточно крупных размерах производства, обеспечивающих ведение прибыльного хозяйства.

